

Г. Кертман

Спор о Пиночете

В советские времена репутация Аугусто Пиночета в нашей стране была вполне однозначной: чилийский диктатор воспринимался как одна из самых мрачных фигур современной истории. Впоследствии, к началу 90-х годов, возникла либеральная апология Пиночета: в заслугу ему ставилось “экономическое чудо”, обеспеченное строгим соблюдением принципов монетаризма и, соответственно, высвобождением рыночных сил, а военный переворот и массовые репрессии частично оправдывались тем, что левое правительство С. Альенде вело страну к экономическому коллапсу.

Исходя из этого, можно было предполагать, во-первых, что на нынешнем витке развития России – когда сугубо либеральные экономические взгляды, равно как и их открытые приверженцы не пользуются особой популярностью – историческая роль генерала представляется нашим согражданам преимущественно негативной, а во-вторых – что мнения о нем существенно варьируются в зависимости от возраста. Молодые россияне, лучше адаптированные к рыночным условиям и меньше склонные симпатизировать левым, чем пожилые, а к тому же – не видевшие, в отличие от последних, репортажей о штурме дворца Ла Монеда в сентябре 1973 года, не читавшие в прессе о массовых репрессиях в Чили в годы правления Пиночета, не смотревшие, наконец, советский фильм “Это сладкое слово – свобода”, должны, вроде бы, быть снисходительнее к покойному генералу, нежели люди более зрелого возраста.

Однако данные опроса¹, проведенного после смерти А. Пиночета (а об этом событии, широко освещавшемся в СМИ, знали или хотя бы что-то слышали к моменту опроса 72% россиян), опровергают эти предположения: 21% респондентов считают, что Пиночет сыграл в истории своей страны по преимуществу положительную роль, 19% – что по преимуществу отрицательную. И примерно такое распределение ответов – с мизерным перевесом позитивных суждений над негативными – воспроизводится во всех возрастных группах.

21% респондентов считают, что Пиночет сыграл в истории своей страны по преимуществу положительную роль, 19% – что по преимуществу отрицательную. Примерно такое распределение ответов воспроизводится во всех возрастных группах

¹ Общероссийский опрос населения от 16–17 декабря 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Уровень образования и доходов респондентов, кстати, также не оказывает существенного влияния на их оценки. Ощутимо варьируются они лишь в зависимости от пола опрошенных: мужчины вдвое чаще, чем женщины, считают роль Пиночета положительной (29% и 14% соответственно); признают ее отрицательной по 19% мужчин и женщин.

Большинство же участников опроса не смогли вынести определенный вердикт, причем 24% респондентов (среди молодежи – 34%) сказали, что ничего не знают о Пиночете. Понятно, что и многим из прочих респондентов, затруднившихся с ответом, практически ничего не известно о бывшем чилийском

Оценившие роль Пиночета положительно говорят, что он “обеспечил экономический рост”, “навел порядок в стране”. Некоторые видят заслугу Пиночета в том, что он был диктатором

правителе, однако некоторые, надо полагать, не решаются высказать определенное суждение потому, что баланс положительных и отрицательных результатов его правления для них неочевиден. В пользу этого предположения говорит то, что среди высказываний респондентов, оценивших историческую роль Пиночета как позитивно, так и негативно (они аргументировали свои оценки, отвечая на открытые вопросы), встречаются амбивалентные реплики, авторы которых признают деятельность генерала успешной в экономическом отношении, но осуждают его за пролитие крови соотечественников.

“Вывел страну из кризиса, но ценой непростительных человеческих жертв”; “помог поднять экономику Чили, но жертвы ему прощать нельзя”, – говорят респонденты, считающие роль Пиночета положительной. *“Несмотря на прогресс в экономике, он был диктатором и строил свою политику на костях и крови сотен людей”; “поднял страну за счет смерти миллионов людей”, –* откликаются участники опроса, считающие его роль отрицательной. Очевидно, что по крайней мере часть респондентов, интерпретирующих итоги правления Пиночета в таком ключе, затрудняются дать этим итогам однозначную оценку.

Присмотримся, однако, повнимательнее к аргументации тех, кто занял ту или иную позицию. Их доводы позволяют понять, как наши сограждане трактуют сегодня фигуру Пиночета (что само по себе любопытно), а также – что, конечно, важнее – составить представление о критериях, установках, приоритетах, которыми они руководствуются в оценках покойного чилийского правителя и, безусловно, отнюдь не только его.

Начнем с высказываний тех, кто оценил роль Пиночета **положительно**. Примерно треть из них (6% от всех опрошенных) говорят о том, что он *“поднял экономику страны”; “вывел страну из экономического кризиса”; “обеспечил экономический рост”*. В некоторых репликах генерал предстает чудотворцем, спасшим экономику Чили от гибели: *“если бы не он, то экономика страны бы рухнула”; “страна была в таких экономических обстоятельствах, что только чудо могло спасти страну – и тут появился Пиночет”; “создал экономику”*. Но вот что показательно: ни один из участников опроса даже вскользь не упомянул о либеральном механизме чилийского “экономического чуда” – результат здесь оценивается безотносительно к методу его достижения.

Причем и сам этот результат представляется некоторым не столько экономическим, сколько социальным “чудом”: Пиночет, по их мнению, *“накормил на-*

род”; “уровень жизни населения поднял”; “вытащил народ из нищеты”; “наладил там жизнь людям” (2% опрошенных).

Довольно многие (5%), не вдаваясь в детали, говорят, что Пиночет “много сделал для страны хорошего, поднял страну”: генерал, полагают они, “все наладил в Чили”; “поднял страну с колен”; “дал толчок к переменам”; “привел страну к прогрессу”; “поднял страну на высокий уровень развития”. Стоит отметить, что в некоторых репликах такого рода содержится полемика с предполагаемыми оппонентами: респонденты знают о контраргументах, которые могут быть им предъявлены, но отмечают их. Иногда – сдержанно и как бы извиняясь: “поднимал страну, всем не угодить”. Иногда – агрессивно: “поднял Чили из дерьма; пусть с жертвами – ну и что?” Иногда – с абсолютной уверенностью в правоте Пиночета и универсальности его методов: “он все правильно делал, и во всех странах делают так же, чтобы поднять страну, – только не афишируют это”.

Некоторые (3%) с одобрением отмечают, что генерал “навел порядок в стране”, явно усматривая тут пример для подражания. Одни одобрительно – и, кажется, немного мечтательно – заявляют: “была дисциплина, порядок, государство шло вперед”; “хороший правитель: строгость и порядок”; “бояться и уважать стали”. Другие обобщают, убежденно декларируя: “порядок всегда даст результаты”; “езде должна быть дисциплина”. Третьи прямо говорят о том, что желали бы “порядка”, подобного пиночетовскому, в нашей стране: “улучшил порядок, народ стал дисциплинированнее, ввел комендантский час – у нас тоже это нужно”; “нам такой диктатор нужен в стране – навести порядок”. Особо стоит отметить реплику респондента, явно экстраполирующего свой идеал порядка на Чили времен правления Пиночета: “порядок навел: воровал и другим давал”.

К группе апологетов “порядка” примыкают и те респонденты (2%), которые видят заслугу Пиночета в том, что он был диктатором. Здесь тоже обнаруживаются и констатации (“он был диктатор – было единовластие”; “держал страну в руках”; “сплотил страну диктатурой”), и декларации идеологического характера (“в каждой стране правитель должен быть жестким”; “диктатор играет положительную роль”), и прямые апелляции к отечественному опыту (“столько времени и у нас возжи – Ленин, Сталин – правили, все было нормально”).

Еще один довод в пользу Пиночета – весьма парадоксальный применительно к диктатору, упразднившему демократические процедуры, – состоит в длительности его правления. Некоторые убеждены: “раз долго правил – значит, ценили его люди” (“много лет продержался на своем посту”; “если бы было плохо, то он бы столько времени не удержался в руководителях”; “если так долго правил страной”). Этот аргумент, по-видимому, принадлежит тому же авторитарному дискурсу, что и апелляции к достигнутому в Чили “порядку” и похвалы диктатуре.

Иные доводы звучали крайне редко. Некоторые ссылались на мнения чилийцев, оплакивавших Пиночета, кто-то отмечал, что “если бы Чили пошла по пути социалистического развития, то лучше бы не стало”, кто-то про-

---

Те, кто оценивает роль Пиночета негативно, чаще всего говорят о репрессиях, о многочисленных жертвах его режима, об установленной им диктатуре

сто восторгался генералом (“лидер”; “он был выдающимся”; “он чистый и откровенный”).

Те же, кто оценивает роль Пиночета **негативно**, чаще всего говорят, естественно, о репрессиях, о многочисленных жертвах его режима (9%, половина ответивших на соответствующий открытый вопрос): “много крови пролилось при нем”; “он массово истреблял свой народ”; “расстрелы”; “террор”; “репрессии”; “массовые казни людей были в Чили”; “стадион с расстрелянными людьми”; “не могу простить смерть людей”; “душегуб он”; “убийца не может играть положительную роль”.

Многие (6%) говорят об установленной Пиночетом диктатуре, причем этот факт для них однозначно перевешивает любые возможные достижения правительства: “диктатор – он и есть диктатор, этим все сказано”; “диктатура хорошего не знает”; “отрицательно отношусь к насилию и диктатуре”; “тиран”; “деспот”; “он установил тоталитарный режим”; “он был наподобие Сталина – диктатор, который издевался над народом”.

Некоторые называли режим Пиночета фашистским (1%), говорили о социальном расслоении и бедности большинства населения в Чили (1%), о том, что “при демократии Чили бы дальше шагнула, чем при диктатуре Пиночета” (1%).

Как видим, критики Пиночета оценивают его прежде всего как палача и диктатора – точно так же, как оценивали этого исторического деятеля до попытки “реабилитации”, предпринятой на исходе перестройки. А вот в образе покойного генерала, который рисуют его почитатели, вопреки либеральной апологетике тех времен практически не просматриваются черты

приверженца экономической свободы (единомышленника – в этом вопросе – М. Тэтчер, Р. Рейгана и Е. Гайдара), спасшего свою страну от разрушительных социалистических экспериментов и высвободившего “невидимую руку рынка” из пут государственного регулирования. Сегодняшние российские поклонники Пиночета слышали о чилийском “экономическом чуде”, однако склонны приписывать его иной руке – “сильной руке” правителя, в котором они видят строгого, но справедливого “хозяина”, принесшего своей стране “порядок”, дисциплинировавшего и накормившего народ. А ностальгию по государственным деятелям такого типа сравнительно часто, как известно, испытывают пожилые россияне – поэтому и многие представители старшего, “советского” поколения позитивно отзываются о Пиночете, пересматривая, казалось, незыблемое представление об этой фигуре. Даже в рядах сторонников КПРФ, где мнение о нем, вроде бы, должно быть однозначным, доля признающих историческую роль генерала положительной лишь ненамного уступает доле считающих ее отрицательной: 24% и 29% соответственно. Наибольшей же популярностью он пользуется, как нетрудно догадаться, среди приверженцев ЛДПР: здесь о роли чилийского диктатора позитивно отзываются 36% респондентов, а негативно – 20%.

Так что частичной “реабилитацией” в постсоветской России Пиночет обязан не столько либеральной корректировке своего имиджа, сколько, напротив, неизменности этого имиджа и его соответствию столь притягательному для многих наших сограждан архетипу “сильной руки”.

Частичной “реабилитацией” в постсоветской России Пиночет обязан не столько либеральной корректировке своего имиджа, сколько, напротив, неизменности этого имиджа и его соответствию столь притягательному для многих наших сограждан архетипу “сильной руки”